

Проданик Надежда Владимировна

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ "ПРОЩАНИЯ С КНИГОЙ", МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КНИГИ И АВТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ГОРАЦИЯ И С. ЯВОРСКОГО

Статья посвящена горацянскому сюжету "прощания с книгой" и его трансформации в "прощальной элегии" русского поэта XVIII века - С. Яворского. В послании Горация "К своей книге" создается метафорический образ книги-"непослушного ребенка", желающего освободиться от опеки автора-"отца". В творческом наследии Яворского сюжет изменяется в согласии с переходным этапом русской культуры, в тексте "встречаются" две библиометафоры: книга-"дитя" и Вечная книга-"судия", амбивалентным предстает и образ автора: в нем есть черты младенца, трепещущего перед судом Бога, и заботливого родителя, подготовившего кров своему детищу - библиотеке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 149-152. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE IMAGE OF RUSSIA IN FOREIGN MASS MEDIA

Orlova Olesya Gennad'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kemerovo State University
orlovaog@mail.ru

The article is devoted to the identification of the main features of the image of Russia and the means of their actualization in modern foreign mass media. It has been revealed that the most frequent of them are the means of expressing emotional assessment (33 units in the corpus), the means of stereotyping (23 units) the means implementing the bipolar categorical opposition "one's own – somebody else's" (34 units). Among the geopolitical stereotypes there are the following ones: "great country", patriotism of the Russians, Russian – the Asian country, "Russia – bear" and so on.

Key words and phrases: image of Russia; ways of actualization; stereotype; feature of the Russian world; discourse.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена гораццианскому сюжету «прощания с книгой» и его трансформации в «прощальной элегии» российского поэта XVIII века – С. Яворского. В послании Горация «К своей книге» создается метафорический образ книги-«непослушного ребенка», желающего освободиться от опеки автора-«отца». В творческом наследии Яворского сюжет изменяется в согласии с переходным этапом российской культуры, в тексте «встречаются» две библиометафоры: книга-«дитя» и Вечная книга-«судия», амбивалентным предстает и образ автора: в нем есть черты младенца, трепещущего перед судом Бога, и заботливого родителя, подготовившего кров своему детищу – библиотеке.

Ключевые слова и фразы: феномен книги в античной культуре; феномен книги в российской культуре XVIII века; метафорические образы книги и автора; метафора книга-«дитя»; метафора Вечная книга-«судия».

Проданик Надежда Владимировна, к. филол. н., доцент
Омский государственный педагогический университет
omsk.nadezhda@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ «ПРОЩАНИЯ С КНИГОЙ», МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КНИГИ И АВТОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ГОРАЦИЯ И С. ЯВОРСКОГО©

В России XVIII век стал временем, когда перед читателем распахнулись двери в мир европейской литературы. Уже к середине XVIII – началу XIX века круг чтения российского библиофила был достаточно широк и включал в себя произведения не только писателей-современников, таких как Радклиф, Руссо, Дидро, Гете, но и тексты античных авторов. К примеру, в журнале «Женская библиотека» за 1764 год среди наиболее популярных имен назывались Гомер и Гораций [2, с. 113]. Книги прочно вошли в каждодневную жизнь дворянина; как утверждал в своих дневниковых заметках страстный библиоман XVIII века – А. Т. Болотов, собрание библиотеки сделалось для него «первейшей драгоценностью», а книги стали «...всегдашними и наилучшими <...> друзьями и собеседниками» [3, с. 48, 241].

Стоит отметить, что в сходной культурной ситуации, когда общество проявило повышенный интерес к книгам, в свое время оказался и Гораций. В Риме на границе I века до н.э. сложилось новое отношение к чтению: книга перестала быть только хранилищем текстов, «люди перешли к чтению как внутреннему поиску и способу уйти в себя...» [7, с. 21]. Чтение было настолько важным умением для римлянина, что выступило условием личной славы, свидетельством тому – римские эпитафии. В них с гордостью сообщалось, насколько начитан покойный: «Ты, что поспешно идешь по узкой тропиночке, путник, / Остановись, я прошу, и не презри надгробие наше... / Лириков я прочитал, прочитал творенья Гомера...» [14, с. 118].

Вполне закономерно, что в данный период римской культуры складываются новые отношения между автором и книгой, это подтверждают поэтические письма Горация к Мекенату, в частности, «Письмо XX» из Книги первой, где и появляется сюжет «прощания с книгой». Обусловлено возникновение этого сюжета многими причинами: одна из них состояла в том, что после опубликования своего труда авторы утрачивали права на текст, «чьей-либо собственностью опубликованное однажды <...> уже не считалось» [6, с. 12]. Книготорговцы, в свою очередь, распоряжались текстами в зависимости от коммерческого спроса: если сочинение не продавалось в Риме, то его отправляли в провинцию (Утику или Илерду, о которых Гораций упоминает в своем послании Мекенату). Каковы же основные смыслы гораццианского «прощания», какими чертами в нем наделены образы книги и автора? Как трансформировался гораццианский текст и его образность в элегии российского поэта – Стефана Яворского? Поиск ответов на эти вопросы определил стратегию нашего исследования.

В России «Письмо XX. К своей книге» Горация было более известно в переводе Антиоха Кантемира (характер перевода дословный, максимально близкий к оригиналу):

К Вергумну, книга моя, кажешься и к Яну
 Смотреть, хочется тебе, сиречь, показаться
 Чиста и украшена у Сосиев в лавке,
 Ненавидишь ты замок и печати, кои
 Смирны приятны детям. Скучаешь немногим
 Быть показана, и над всем площадь почитаешь.
 ...Когда ж, измята в руках черни, впадать станешь
 В презрение, или моль, праздна, молчалива,
 Кормить станешь, иль, сальна, сошлешься в Илерду,
 Иль в Утику побежишь...
 (Из Горация. «Письмо XX. К своей книге». Перевод 1740-х гг.) [8, с. 324].

Вслед за Кантемиром, Н. Гинцбург, переводчик XX века, повторит «общие места» горацианского текста: жажду свободы, присущую книге, – «*Ты ненавидишь замки и печати, приятные скромным; / Стонешь ты в тесном кругу и места многолюдные хвалишь...*»; опасность упоения новизной – «*Будешь ты Риму мила, пока не пройдет твоя младость; / После ж руками толпы захватана, станешь ты грязной...*» (Гораций. «К своей книге», пер. Н. Гинцбург) [9, с. 363]. Письмо у Горация построено как монолог умудренного жизнью автора-наставника (в переводе Н. Гинцбурга употреблено слово «советчик», у Кантемира – «советник»), обращен монолог к юной книге, жаждущей славы. Книга как объект заботы, книга-*сокровище* для заботливого хозяина – это вполне закономерный для Рима факт. Как пишет С. Аверинцев, «греческая литература эллинистического и римского времени свидетельствует о таком любовном... отношении к самой вещественности книги, какое мы напрасно стали искать у авторов классической эпохи» [1, с. 204]. Книги для римлянина становятся главным богатством, яркое свидетельство тому – письма Цицерона друзьям, в одном из них он просит: «Книги свои сохрани и не теряй надежды на то, что я смогу их сделать моими. Если я достигну этого, то превзойду богатствами Красса...» [12, с. 28]. Греческий мир был равнодушен к записанному тексту, ум свободного гражданина измерялся не количеством прочитанного. «*Всякое сочинение, – утверждал Платон в диалоге “Федр”, – однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому все не подобает его читать, и оно не знает, с кем должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни себе помочь...*» [15, с. 187]. Как для Платона, для Горация книга – дитя, нуждающееся в советах, и судьба ее вне родительского дома видится не слишком благополучной, потому-то автор не спешит выпустить свой труд в свет.

Другим поэтам Гораций тоже советует не показывать публике свое творение, пока оно не «повзрослеет» и не «созреет»: «*...ежели что и напишешь – Прежде всего покажи знатоку ...а потом до девятого года / Эти стихи сохраняй про себя: в неизданной книге / Можно хоть все зачеркнуть, а издашь – и словца не исправишь...*» (Гораций. «Наука поэзии», пер. М. Гаспарова) [4, с. 328]. Иначе говоря, терпение автора, кропотливая работа над слогом становятся залогом искусной отделки текста, «взросления» книги.

Однако чему более удивлен поэт, так это тому, что его творение словно не знает о горацианских принципах жизни: о терпении, ей не знаком принцип «золотой середины мера» (автор же в одной из своих сатир скромно упоминает: «*...В книжных лавках нет вовсе моих сочинений... / Я их читаю только друзьям; но и то с принуждением, / Но и то не везде, не при всех. – А многие любят / Свитки свои оглашать и на форуме людном, и в бане... / Суетным людям приятно оно; а прилично ли время, / Нужды им нет, безрассудным...*» (Гораций. Сатира IV, пер. М. Гаспарова) [9, с. 259]). Впрочем, в этой тяге сочинения к значительному кругу читателей есть и положительный момент: книга может быть забыта, «сослана» в отдаленные районы римской империи, но она не освобождается от авторства и расскажет читателям о «сыне опущенца», который «*Крылья свои распростер, но сравненью с гнездом, непомерно...*» (пер. Н. Гинцбурга) [Там же, с. 363]. Тем самым в сюжете прощания имплицитно присутствуют мотивы личного бессмертия и славы автора, но и они особенные.

К концу III – началу II века до н.э. в Риме зарождается представление, что кроме внешней жизни гражданина полиса, есть внутренняя жизнь обычного человека. Этот семантический сдвиг от человека государственного – к частному зафиксировали эпитафии: традиционная схема этого жанра – «*имя, род, общая оценка, почетные должности, деяния*» – теперь дополняется личными характеристиками, индивидуальными чертами [10, с. 183-185]. У Горация тоже, кроме общего набора сведений об авторе: упоминания о роде – «*скажи им, что был свободенник / и скуден родитель мой*», общей оценке заслуг – «*я нравен был римским так в военных, / Так и в гражданских делах начальнейшим мужем*» (пер. А. Кантемира), рождаются сокровенные фразы, создающие психо-физический портрет уникальной личности: «*Мал телом измолоду, сед, снося зной солнца / Без трудности, к гневу скор, но скор же смириться...*» (Из Горация. Письмо XX. К своей книге) [8, с. 325]. Таким образом, содержание текстов не только становится основой типового гражданского бессмертия, но и начинает конденсировать в себе отпечатки трепетной личной жизни поэта.

Все эти нюансы книжной судьбы, особенности отношения текста с автором стали актуальны и русскому веку Просвещения. Новое время рождало новую книгу, и остро встал вопрос о судьбе текста, о превратностях, подстерегающих сочинение при встрече с многолюдным миром. Как полагают, в русской литературе «впервые <...> трогательное чувство расставания со своим детищем прозвучало в “Письме II” А. Кантемира “К стихам своим”» [16, с. 166], именно такой тональностью отмечены строки: «*Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых / Где вы лет тоскуете в тени за ключами! / Жадно воли просите, льстите себе сами, / Что примет весело вас всяк, гостей веселых, / И взлюбит, свою ища пользу и забаву, / Что многу и вам и мне достанете славу...*» [8, с. 216]. Перед нами вольный перевод горацианского «Письма XX. К книге своей»,

таким образом, к середине XVIII в. русскому читателю были известны тексты самого Горация, а также вольный и точный переводы гораццианских «Писем», исполненные Кантемиром. Однако, на наш взгляд, просвещенный читатель мог знать и другой, более ранний текст, тоже генетически восходящий к Горацию, – предсмертную элегию Стефана Яворского «Стяжателя сих книг последнее книгам целование». Она написана в августе 1721 г., когда митрополит Яворский составил каталог своей библиотеки для передачи Нежинскому Благовещенскому монастырю. Каталог был предпослан поэтический текст прощания с книгами, исполненный на латинском языке. Уже в XVIII в. элегия неоднократно переводилась на русский язык прозой и стихами, анонимный перевод, цитируемый ниже, выполнен до 1728 г.

В тексте Яворского, несмотря на явные отсылки к гораццианскому истоку, есть смысловые опоры, свидетельствующие о новом статусе книги в российской культуре, об изменениях, произошедших в книжной судьбе при переходе от Древней Руси к эпохе Просвещения. Прежде всего, очевидно, что в сознании поэта все еще существует особая ценность религиозного текста, а потому митрополитом разграничены два феномена: Библия – книга Бога и авторская (или, как говорит поэт, «вся писания моя» [18, с. 40]). Стефан Яворский всю свою жизнь собирал личную библиотеку, где, по свидетельству филологов и историков, были богословские трактаты, труды по истории, философии, сочинения Гомера, Софокла и Эсхила [11, с. 11-12]. Наверняка знаком был митрополит и с творческим наследием Горация.

В элегии светские, «младшие» по чину тексты служили залогом социального «рая» («Вы мне у лиц высоких милость приобрели...»), чтение произведений других авторов и создание собственных радовало сладостью познания, светом земной мудрости: «Вы богатство, вы слава бесте мне велика, / Вы – рай, любви радость и сладость колика. / Вы мене прославили, вы меня просветили...» (С. Яворский. «Стяжателя сих книг последнее книгам целование») [18, с. 39].

Если светские сочинения придавали земной жизни сладость, то Библия выступала Судьей метафизическим. Строки Яворского, посвященные сакральному тексту, напоминают деисусный чин алтаря – фигуру строгого Пантократора с открытым Евангелием в руке: «Иной книги очесам моим не минути, / Юже Бог, хотяи приити, хоцет мне разгнути. / Всяк вся дела своя в сей книзе обряцет, / И по делам всякого своя мзда уряцет. / О книга престрашная, яже всех всецело / Земнородных обличит пред судищем дело! / О Боже милосердый, о щедрот пучино, / Источниче милости, благодсти вершино! / ...Тя молю, червь ничтожный, зело восклицай: / Призри на мя и впиши в книгу мя животну / Кровию Христа...» (С. Яворский. «Стяжателя сих книг последнее книгам целование») [Там же, с. 39-40]. Евангелие представлено в элегии как Судия и как спасительный путь для всего живущего на земле. В этом автор не нарушает давнюю религиозную традицию: в древнерусской иконописи правая рука грозного Всевластителя сложена в благословляющем жесте, а на страницах открытого Евангелия могли быть приведены слова из «Святого благоговения» от Матфея: «Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы» (Матф. 11:28). Тем самым, Христос Вседержитель – это и Владыка небесный (Бог творящий), и грозный Судия, и Всемиловитый Спаситель. Перед лицом Пантократора земной автор-творец в тексте элегии предстает младенцем, трепещущим от страха и уповающим на милость Господа-Отца. Смиранный идеал христианина-младенца несет в себе важный смысл: прежде всего, верующий человек – «ученик» Христа, для него Иисус наделяется непререкаемым «учительным» авторитетом [1, с. 178-179], потому и Евангельский текст для всех верующих, в том числе для митрополита, – Книга, которую нужно не читать, узнавая новое, но безусловно почитать.

Весь мир для христианина – Библия, Вечная книга, и человеческое сердце – «письмо Христово», «буквица» вечного текста [Там же, с. 209], каждый человек – «...письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но духом Бога живого...» [Там же]. Таким образом, строки элегии «О Боже милосердый... / Призри на мя и впиши в книгу мя животну / Кровию Христа...» звучат вполне в соответствии с религиозной традицией: в главную Книгу Вселенной жизнь земного автора будет вписана жертвенно-спасительной кровью Христа, рукою Бога-Отца.

В древнерусской культуре существовало требование – читать неспешно, чтобы духовными очами разглядеть высшее значение слов, чтение становилось синонимом «духовного делания», ведущего к спасению души, и было нормированным: даже келейная «библиотечка» должна была соответствовать Индексу истинных книг. Индекс – вариант древнерусской библиографии, в которую входили книги вероучительные, канонические, но существовали индексы ложных книг, это преимущественно апокрифические источники, светские тексты, которые читать было запрещено под страхом лишения сана [5, с. 3, 29]. Однако в элегии Яворского складывается парадоксальная ситуация, свойственная пограничью в книжной культуре, переходу от иерархии книг и единовластия Библии – к тематическому разнообразию текстов и их равенству. Действительно, с самых юных лет будущий митрополит стремился к разнообразному чтению, в финале жизненного пути ему удалось собрать библиотеку, занимавшую шестое место среди частных библиотек России. Передавая книги Нежинскому монастырю, митрополит верил, что монастырь станет центром учености, но, как показало время, книги здесь не понадобились; слабая надежда Яворского на то, что в судьбе России встретятся и примирятся европейская ученость и православная духовность, так и осталась надеждой.

Однако светская и религиозная книжность буквально «встретились» в его элегии: как автор проповедей, Яворский безусловно чтит сакральный текст, а как писатель, он относится к «младшим» книгам словно детям, носит их на руках и подобно отцу благословляет к жизни в миру. Таков смысл православного последнего целования, обозначенного в заглавии элегии, в нем прочитывается семантика «прощального благословения». Отец-автор и отец-создатель библиотеки отпускает книги на свободу, снимая с них сдерживающую отцовскую узду: «...Вы же, вся писания моя и вся книги, / Простите, не суть на вы больш мною вериги...» [18, с. 39]. Как эмоционально пишет А. М. Панченко: «Ни один из древнерусских книжников не мог бы заявлять о скорбных своих чувствах по такому поводу: смерть освобождает от тягот ...бренной жизни и причисляет к вечности, к той

вечности, отголоском которой и считается душеполезная книга. Что касается Стефана Яворского, то для этого <...> первенствующего иерарха русской церкви разделение веры и культуры уже совершилось, причем окончательно и бесповоротно. Его элегия – первое проявление писательского «прощания с книгами» [13, с. 171].

Элегия митрополита – явление хоть и пограничное, но в силу доминанты христианского начала в мировоззрении автора, оценочная граница сдвинута в сторону религиозной культуры. К тому же главной заслугой в жизни писателя Яворский считает не распространение знания, а учительство: напоминание о Судном дне, которого никто не минет. В творческом наследии Яворского есть эпитафия, написанная в 1709 г. на смерть митрополита Димитрия Ростовского. В ней Яворский, обращаясь к «благоразумному» читателю, призывает иметь «ум не темный». Эта фраза рождает ассоциацию с просветительским знанием, однако текст разубеждает нас: читателю необходимо иное – «*Читатель благоразумный... Сокрушенно и смиренно сердце в Бозе полагай, / Покаянию время день от дни не отлагай...*» [17, с. 58]. Иначе говоря, разговор автора с читателем становятся грозной проповедью, учительным напоминанием о сохранении чистоты веры.

Итак, родословная метафорического образа книга-«дитя» уходит корнями в римскую культуру, отсылает к творчеству Горация, где появляется поэтический сюжет «прощания с книгами». Для Горация тексты предстают непослушными детьми, жаждущими славы, автор же оказывается заботливым и рассудительным отцом, осознающим, что срок жизни сочинения зависит от тщательной отделки, подобной родительскому пестованию ребенка. Создавая свой вариант «прощальной элегии», российский писатель XVIII в. тоже видит в светской книге любимое дитя (книги «мною многожды носимы», говорит Яворский, носимы на отцовских руках, словно младенцы). Однако российским поэтом запечатлена ситуация, свойственная пограничью в российской культуре: переходу от культуры Древней Руси к веку Просвещения. Потому-то в одном тексте встречаются Вечная книга-«отец-судия» и земная, светская книга-«дитя». Образ автора тоже предстает амбивалентным: перед нами младенец, трепещущий перед Вечной книгой, и заботливый отец своего детища – библиотеки. Заметим, что в сравнении с горацианским вариантом, в тексте митрополита менее недовольства свободой книг-«детей» или их стремлением к славе, нет и опасения за их судьбу, но вспомним: автор заранее позаботился о судьбе библиотеки, приготовил ей монастырский кров. Тем самым горацианский сюжет «прощания с книгой» на российской почве обрел иное звучание, наполнился новыми культурными смыслами.

Список литературы

1. **Аверинцев С.** Слово и книга // Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 178-214.
2. **Блюм А. В.** Художественная литература как историко-книжный источник (на материале русской литературы XVIII – первой половины XIX в.) // Книга. Исследования и материалы: сборник. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1980. Сб. 52. С. 100-122.
3. **Болотов А. Т.** Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков: в 3-х т. М.: Терра, 1993. Т. 2. 1760-1771. 544 с.
4. **Гораций.** Наука поэзии // Античная литература. Рим. Хрестоматия / сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. М.: Высшая школа, 1981. С. 323-329.
5. **Грицевская И. М.** Индексы истинных книг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 254 с.
6. **Дуров В. С.** Римская поэзия эпохи Августа: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 226 с.
7. **Кавалло Г., Шартье Р.** Введение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М.: ФАИР, 2008. С. 9-52.
8. **Кантемир А.** Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1956. 544 с.
9. **Квинт Гораций Флакк.** Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Худ. литература, 1970. 479 с.
10. **Кнабе Г. С.** Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1993. 522 с.
11. **Кононенко И.** Харьков и личная библиотека Стефана Яворского // Библиотечный форум України. 2005. № 1 (7). С. 11-13.
12. **Марк Туллий Цицерон.** Из писем // Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. М.: Книга, 1985. С. 27-31.
13. **Панченко А. М.** Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука; Ленингр. отд-е, 1984. 205 с.
14. **Петровский Ф. А.** Латинские эпиграфические стихотворения. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 151 с.
15. **Платон.** Федон, Пир, Федр, Парменид. М.: Мысль, 1999. 528 с.
16. **Прощание с книгой** // Von Wenigen (От немногих): сборник. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2008. С. 166-174.
17. **Яворский С.** Димитрию Ростовскому // Русская стихотворная эпитафия. СПб.: Академический проект, 1998. С. 58-59.
18. **Яворский С.** Стяжателя сих книг последнее книгам целование // Русская литература. Век XVIII. Лирика. М.: Худож. лит-ра, 1990. С. 39-40.

THE POETIC PLOT OF “FAREWELL TO THE BOOK”, METAPHORICAL IMAGES OF THE BOOK AND THE AUTHOR IN THE CREATIVITY OF HORACE AND S. YAVORSKY

Prodanik Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
omsk.nadezhda@mail.ru

The article is devoted to the Horatian plot of “farewell to the book” and its transformation in the “farewell elegy” of the Russian poet of the XVIII century S. Yavorsky. In the epistle of Horace “To His Book” the metaphorical image of the book-“naughty child” which wants to get rid of the guardianship of the author-“father” is created. In the creative heritage of Yavorsky the plot changes in accordance with the transitional stage of the Russian culture, in the text two biblical metaphors can be found: book-“child” and Eternal book-“judge”, and the author’s image appears to be ambivalent: it has the features of the baby, trembling before the God court, and the careful parent who has prepared the shelter for his offspring – the library.

Key words and phrases: the phenomenon of the book in the ancient culture; the phenomenon of the book in the Russian culture of the XVIII century; metaphorical images of the book and the author; metaphor book-“child”; metaphor Eternal book-“judge”.